

Патрушев Сергей

Ведьма

Сергей Патрушев

Ведьма

«Автор»

2026

Патрушев С.

Ведьма / С. Патрушев — «Автор», 2026

Шарлотта — ведьма с края леса, чья красота оплачивается частями души. Она исцеляет за кровь, изгоняет демонов в обмен на вечное рабство и видит будущее без ритуалов. Но когда Орден Света объявляет ей войну, а прошлое возвращается мстительным бумерангом, Шарлотта понимает: её «доброта» стоила жизни тем, кого она спасала. Лишившись руки и сил, запертая в рушащемся замке, она должна провести последний ритуал. Цена спасения мира — её собственная человечность.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дом на краю леса	5
Глава 2. Цена красоты	10
Глава 3. Воин, потерявший силу	17
Глава 4. Желание аристократки	23
Глава 5. Предсказание для купца	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Патрушев

Ведьма

Глава 1. Дом на краю леса

Осенний туман в долине Лерден полз не с низин, а спускался прямо с небес, густой и молочный, словно прокисшее молоко, разлитое по склонам холмов. Он пожирал звуки. В такие дни казалось, что мир заканчивается за порогом собственного дома, а дальше простирается лишь первозданная пустота, из которой когда-то вышли боги перед тем, как навсегда отвернуться от людей.

Дом Шарлотты стоял там, где заканчивалась последняя вспаханная полоса земли старосты Гримма и начинались узловатые корни Проклятого леса. Это была даже не хижина, а скорее старый охотничий домишко, который лес медленно, но верно забирал обратно. Древесный плющ, черный и жилистый, оплетал его стены до самой соломенной крыши, пробиваясь сквозь щели в ставнях и обвивая печную трубу. Летом зелень скрывала жилище от случайных глаз сборщиков податей, сейчас же, в октябре, голые черные стебли напоминали вздувшиеся вены мертвеца.

Внутри пахло иначе, чем снаружи. Снаружи — сыростью, прелой листвой и медным привкусом грядущего дождя. Внутри — сушеным шалфеем, горькой полынью, старым воском и едва уловимым запахом озона, какой бывает после удара молнии в сухой дуб. Огонь в очаге горел ровным синим пламенем, хотя Шарлотта уже третий день не подбрасывала дров. Она сидела на низкой скамье у огня, прялка стояла без дела. Ее пальцы были перепачканы соком белладонны и толченым корнем мандрагоры. На коленях лежало раскрытое руно, написанное на коже утопленника, но она не читала закорючки древних букв. Она слушала.

Лес говорил с ней всегда, но сегодня он выл. Не голосом ветра, а низким, утробным гулом, идущим из-под земли. Тьма внутри Шарлотты отзывалась на этот гул теплой, пульсирующей тяжестью чуть ниже солнечного сплетения. Эта тьма жила в ней с двенадцати лет, когда она впервые принесла осознанную жертву ради спасения чужой жизни. С тех пор она научилась носить эту тяжесть, как носят неудобное, тесное платье: выпрямив спину, высоко поднимая голову и делая вид, что ничто не давит на ребра, мешая дышать.

Скрипнула дверь. Дерево разбухло от влаги, поэтому гость не вошел, а буквально ввалился внутрь, тяжело дыша и стряхивая с плеч мокрую грязь тумана. От него пахло страхом, кислым потом и отчаянием такой густоты, что оно становилось почти осязаемым, оседая серым пеплом на полу.

Шарлотта не повернулась. Она знала, кто это, еще до того, как услышала треск половиц. Староста Гримм присылал к ней свинопаса три дня назад, предлагая золото за то, чтобы она отвела мор от его свиней. Она отказала. Золото ей было ни к чему, а болезнь скота входила в естественный порядок вещей. Но люди ошибаются, думая, что ведьмы бессердечны. Они просто видят цену каждой монеты яснее, чем сами покупатели.

— Ведьма, — прохрипел крестьянин. Его звали Йохан, и он был пекарем. Хорошим пекарем, чей хлеб славился на всю долину своей мягкостью. Сейчас его руки, привыкшие месить теплое тесто, дрожали так сильно, что он не мог расстегнуть пуговицы на воротнике. — Я пришел один. Гримм ничего не знает. Никто не знает.

— Если бы ты привел стражу или самого Гримма, я бы уже выпила твое дыхание через замочную скважину, — ровно ответила Шарлотта. Голос у нее был молодой, глубокий, совершенно не соответствующий ее лицу. Кожа на ее руках была гладкой, скулы — высокими, губы

— полными, но вокруг глаз залегла такая сеть морщин, будто она каждый вечер смотрела прямо на солнце. — Говори, зачем пришел. Туман впускает только тех, кому нечего терять.

Йохан упал на колени. Колени глухо стукнули о земляной пол. — Мой сын. Элиас. Ему семь. Три ночи назад он проснулся весь в поту, кричал, что у него в горле застрял уголек. А утром... Утром он перестал говорить. Совсем. Только смотрит в потолок, и глаза у него стали... старые. Как у деда перед смертью. Дыхание горячее, кожа ледяная. Мы позвали цирюльника, тот пустил кровь, но мальчик стал синеть. Позвали отца Маркуса, он читал молитвы над святой водой, пока пузырек не опустел. Вода осталась водой.

Он полез за пазуху и вытащил маленький тряпичный узелок. Развернул дрожащими пальцами. Внутри лежал детский деревянный конь на колесиках, выкрашенный облупившейся красной краской. — Я отдал все деньги лекарям. Продал жеребенка. Осталось только это. Жена сказала, если я вернусь без сына, пусть лучше меня волки в лесу разорвут. Мне некуда больше идти. Лес сожрет любого, кто ступит под кроны, но говорят... говорят, твоя тропа пропускает грешников.

Тропа действительно пропускала. Потому что вела не к спасению, а к честному счету.

Шарлотта отложила руно. Медленно встала. Ее рост удивлял мужчин — она была выше большинства из них, худая, как ивовый прут, завернутая в темно-серую шерсть. Она подошла к пекарю. Тьма внутри нее шевельнулась, принимаясь к чужому горю. Для этой субстанции человеческое страдание было изысканным вином.

— Убери золото, — бросила она. — И игрушку спрячь. Жалость оскорбляет процесс. Ты платишь не мне. Ты платишь миру за нарушенное равновесие.

Она прошла в дальний угол комнаты, где на низких полках стояли банки со змеями, плавающими в уксусе, пучки трав, перевязанные бечевкой, и череп ворона. Из тяжелого дубового сундука она достала свечу. Черную, витую, сделанную вручную из жира некрещеного младенца, собранного сто лет назад при иных законах веры. Свеча была старой, воск пожелтел и пошел трещинами. Шарлотта поставила ее на каменный алтарь посреди комнаты.

— Садись туда, — кивнула она на лавку у очага. — Закрой глаза. Что бы ты ни услышал, что бы ни почувствовал холодом на шее — не открывай их. Если откроешь, твой разум останется здесь навсегда, а тело пойдет в деревню пугать соседей.

Йохан послушно сел, вжавшись спиной в теплую стену. Его трясло.

Шарлотта взяла серебряный нож с рукоятью из оленьего рога. Лезвие было тусклым от частого использования. Она полоснула себя по запястью левой руки. Кровь выступила мгновенно — густая, чернильно-черная в синем свете очага. Обычная красная человеческая кровь давно перестала течь по ее венам; та жидкость, что заменяла ее, несла в себе память всех договоров, заключенных ею с бездной.

Первую каплю она позволила упасть на фитиль свечи. Пламя вспыхнуло зеленым. Вторую — на лоб деревянного коня, который Йохан оставил на столе. Краска пошла пузырями. Третью — себе на язык. Металлический вкус гниющих болот ударил в небо.

— Элиас, сын Йохана, рожденный плотью от плоти, — заговорила Шарлотта, и голос ее изменился. Теперь он звучал сразу отовсюду: от стен, из дымохода, из-под пола. — Ты ушел слишком рано. Нити твоей судьбы натянуты поперек станка Великой Пряжи. Кто-то обрезал их тупыми ножницами. Или перегрыз. Болезнь в твоём теле — это не огонь. Это плесень. Голодная сущность, которая питается детским смехом и теплом отцовских рук. Она пришла не за тобой. Ей просто понравилась форма твоего сердца.

Шарлотта закрыла глаза. Мир для нее исчез, сменившись вязкой, пульсирующей темнотой. Она шагнула в нее, оставляя свое физическое тело стоять у алтаря.

Дорога к умирающему ребенку заняла мгновение. Дорога ведьмы никогда не измеряется верстами. Она увидела крышу пекарни, покрытую рыжей черепицей, почувствовала запах свежего теста, въевшийся в балки перекрытий. Комната мальчика была на втором этаже.

Элиас лежал в колыбели, укрытый тремя одеялами, но зубы его мелко стучали. Воздух вокруг него сгустился, превращаясь в мутное, желеобразное облако. Внутри этого облака что-то копошилось. Оно выглядело как огромный паук, сотканный из пыли, обрывков кошмаров и невыплаканных слез матери. Паук сидел на груди ребенка, погрузив свои тонкие, невидимые жвала ему под ребра, и методично высасывал свет из его души. Именно эта вытянутая эссенция делала кожу мальчика бледной, а глаза — старыми.

Сущность почуяла Шарлотту раньше, чем та успела сделать шаг. Облако всколыхнулось. Десятки черных глаз-бусин уставились на незваную гостью. *«Это мой урожай»*, — прошепестело в голове у Шарлотты. Шепот был липким, как паутина. *«Уйди, старая. Тебе мало своих грехов?»*

Шарлотта улыбнулась краешком губ. Старая. Ей нравилось, когда мелкая лесная шушера принимала ее за деревенскую знахарку. — Твой контракт недействителен, — вслух произнесла она, хотя звука не было. — Мать не подписывала согласия. Отец продал лошадь, а не первенца. Ты нарушил правила игры. *«Правила пишут те, кто сильнее»*, — прошипел паук, крепче сжимающая объятия вокруг тела Элиаса. Ребенок слабо захрипел. — *«А моя сила растет. Дай мне доест, и я оставлю тебе твои кости целыми»*.

Тьма внутри Шарлотты радостно взревела. Ей хотелось принять вызов. Хотелось выпустить собственные когти, разорвать эту пыльную мразь в клочья и впитать ее силу, стать на несколько часов всемогущей, почувствовать, как кипит в венах чистая, неразбавленная мощь Бездны. Один рывок. Одно заклинание крови высшего порядка, и мальчишка будет здоров, а она сама станет локальной грозой, способной испепелять деревья взглядом. Цена? Всего лишь пара десятков лет жизни. Мелочь. Роскошь, которую она может себе позволить.

Но цена всегда обманчива. Стоит уступить аппетиту тьмы один раз ради благого дела, и в следующий раз она потребует вдвое больше. Сначала годы, потом десятилетия, потом способность чувствовать тепло, затем — саму память о том, кем ты была. Останется лишь идеальный сосуд, совершенное оружие, пустой изнутри. А Шарлотта отчаянно цеплялась за свою человечность. За право мерзнуть в тумане. За право плакать над глупыми песнями пьяных крестьян. Доброта — это роскошь, говорила она себе каждое утро, глядя в зеркало на свои молодые черты и древние глаза. Роскошь, оплачиваемая процентами собственной души.

Поэтому она не обнажила клыков. — Я предлагаю замену, — сказала она существу. — Бартер. *«У тебя нет ничего, что могло бы заменить вкус чистой детской надежды»*, — рассмеялся паук. — У меня есть долг, — возразила Шарлотта. — Старый долг перед теми, кто живет глубже корней. Долг, срок которого истекает в следующее полнолуние. Забирай его. Весь, без остатка. Мое обязательство перед Нижним двором.

Сущность замерла. Понятие «долга» для таких созданий было священным хлебом. Перехватить чужой вексель — значит получить гарантированную власть над кредитором. *«Твой долг тяжелый. Он тянет тебя на дно озера»*, — задумчиво прошелестел паук. — *«Если я заберу его, они придут за тобой. Выцарапают глаза»*. — Пусть приходят, — ответила Шарлотта. — Это мои проблемы. Мальчик уйдет с отцом здоровым. Таковы условия.

Она протянула руку. На ладони вспыхнул символ — выжженное клеймо, которое обычно прятала под слоем грязи и сажи. Символ отступничества.

Плесневая тварь колебалась долю секунды. Детский свет сладок, но юридически чистый перевод крупного долга — это инвестиция. Оно нехотя убрало жвала из-под ребер Элиаса. Черное облако начало втягиваться в ладонь Шарлотты. Процесс был мучительным. Холод, который не имел отношения к температуре, проникал под ногти, вымораживал суставы, пытался добраться до памяти. Когда последние нити сущности втянулись в ее кожу, вес на плечах Шарлотты удвоился. Теперь к ее собственной врожденной тьме добавилась гранитная плита чужого обязательства. Следующее полнолуние обещало быть интересным. Те, кто придет выбивать долг, не берут монетами.

Она открыла глаза уже в своем доме. Стояла на коленях перед алтарем, костяшки пальцев побелели, сжимая край деревянной столешницы. Свеча догорела до основания, оставив лишь лужицу черного жира.

Йохан сидел там же, где она его оставила. Он не открывал глаз, но его челюсть ходила ходуном — он слышал отголоски сделки даже сквозь защиту закрытых век.

— Иди, — хрипло бросила Шарлотта. Горло саднило, словно она кричала несколько часов подряд. — Он спит. Проснется голодным. Испеки ему хлеба. Простого, пшеничного, без пряностей. Первое, что он должен съесть — это обычная еда.

Крестьянин открыл глаза. Посмотрел на ведьму. Взгляд его был чистым от безумия, но полным такого животного, иррационального ужаса, что Шарлотте стало тошно. Люди готовы просить помощи у дьявола, но стоит им увидеть реальный механизм чуда, как они начинают бояться своего спасителя больше, чем смерти.

— Сколько... — начал было он. — Свободен, — отрезала она. — Пока ноги несут. Если остановишься перевести дух в моем тумане — останешься тут навечно собирать поганки.

Йохан вылетел за дверь, забыв ее притворить. Внутри пополз сырой осенний воздух.

Шарлотта дождалась, пока стихнет хруст веток под его сапогами. Затем медленно, опираясь руками о стол, поднялась. Ноги не держали. Каждое движение отдавалось болью в позвоночнике. Новая тяжесть внутри устроилась уютно, распустила корни и теперь методично пульсировала в такт ее сердцу, отравляя кровь.

Она подошла к небольшому зеркалу в бронзовой оправе, висевшему над умывальником. Зеркало было старым, стекло пошло пятнами амальгамы. Из него на нее смотрел идеал красоты. Правильные черты лица, гладкая кожа, темные волосы, тяжелой волной спускающиеся на плечи. Портрет двадцатилетней девушки.

Шарлотта провела пальцем по стеклу, стирая испарину. Там, где прошелся ее палец, проступила истина. Кожа под глазами стала пергаментной, собравшись глубокими складками. Уголки губ опустились вниз вечной скорбной дугой. Между бровей залег вертикальный рубец, которого не могло быть у человека, никогда не шурившего от боли. В глубине зрачков плескалось жидкое обсидиановое озеро, готовое поглотить любой отраженный свет.

Она коснулась своего левого запястья. Пореза не было. Плоть была целой, но под кожей переливался узор из тонких синих вен, похожих на карту незнакомой реки. Каждая новая сделка рисовала новую ветвь.

— Роскошь, — тихо повторила она своему отражению. Слово прозвучало как ругательство. — Спасти одного, чтобы завтра не иметь сил спасти десяток. Идеальная математика.

Тьма внутри довольно заворчала. Ей нравился цинизм хозяйки. Цинизм продлевал договор аренды помещения.

Шарлотта отошла от зеркала. Подошла к окну, затянутому бычьим пузырем. Прижалась лбом к холодной поверхности. Туман немного рассеялся, обнажив кромку леса. Черные стволы стояли плотной стеной, и между ними, в самой глубокой тени, мерцали два красных уголька. Волк? Нет. Волки обходили ее владения стороной. Это были глаза чего-то гораздо более древнего, того, что пришло напомнить о времени платежа.

Она не отпрянула. Лишь плотнее закуталась в шерстяную шаль.

Доброта — это болезнь, думала она, пытаясь унять дрожь в пальцах. Заразная, постыдная лихорадка, от которой нет лекарств, кроме саморазрушения. Она могла бы закрыть дверь перед пекарем. Могла потребовать плату, которую он не смог бы дать, и сохранить свой резерв силы нетронутым. Но тогда Элиас умер бы, а Шарлотта осталась бы прежней. Сильной. Опасной. Абсолютно мертвой внутри.

Выбирая между силой и возможностью хоть иногда печь простой пшеничный хлеб для больного ребенка чужими руками, она почему-то всегда выбирала хлеб. И каждый раз ненавидела себя за эту слабость.

За окном каркнул ворон, сидевший на кривой яблоне у крыльца. Птица смотрела прямо на Шарлотту, наклонив голову. Вороны не прилетали сюда просто так. Они были почтальонами той стороны.

Птица разинула клюв, и вместо привычного карканья из глотки полился тихий, шелестящий шепот: — Нижний двор собирает кворум, должница. Луна Юпитера. Склепы под собором Святого Игнатия. Твоя подпись признана подлинной.

Ворон щелкнул клювом, сорвался с ветки и растворился в сером небе.

Шарлотта закрыла глаза. Веселье закончилось. Впереди была ночь, полная старых долгов, которые невозможно выплатить кровью, потому что требовали они совсем другой валюты — воспоминаний. Тех самых немногих светлых пятен, что еще оставались на дне ее души.

Она вернулась к очагу. Нужно было заварить корень валерианы и маковые головки, чтобы уснуть хотя бы на пару часов. Завтра предстояло спуститься в город. Ходить среди людей, улыбаться торговкам на рынке, делать вид, что она такая же, как они. Носить маску человеческой женщины, зная, что под ней уже почти ничего не осталось, кроме пульсирующего мрака и бесконечного счета, предъявленного к оплате.

И единственное, что заставляло ее кипятить воду, а не перерезать себе горло ритуальным ножом прямо сейчас — это знание о том, что где-то в пекарне на окраине деревни семилетний мальчик только что перевернулся на бок во сне и глубоко, спокойно вздохнул. Цена была уплачена полностью. Равновесие восстановлено. До следующего раза.

Глава 2. Цена красоты

Утро пришло в долину Лерден не с рассветом, а с тяжелым, влажным вздохом тумана, который медленно сползал по склонам холмов и цеплялся за крыши домов, словно пытаясь утащить их обратно в землю. Шарлотта проснулась задолго до того, как первые петухи подали голос. Она лежала на узкой кровати, глядя в потолок, где паутина сплеталась в причудливые узоры, напоминающие карты забытых дорог. Тьма внутри нее пульсировала ровнее, чем обычно — последствия вчерашней сделки давали о себе знать глухой, ноющей тяжестью в костях.

Она встала без стука половиц, двигаясь бесшумно, как кошка. Одежда ждала ее на лавке: простое льняное платье цвета мокрого пепла, шерстяная шаль, грубый передник. Никаких украшений. Ни колец, ни бус, ни лент. Вещи были старыми, выцветшими от времени и частых стирок, но чистыми. Чистота была для нее формой смирения. Если ты живешь на границе мира живых и мертвых, если твоя кровь черна, как деготь, то хотя бы одежда должна быть безупречной. Это был маленький бунт против хаоса, царившего внутри.

В очаге еще тлели угли. Шарлотта бросила на них щепотку сухих трав — шалфей, полынь и немного можжевельника. Комната наполнилась горьковатым дымком, который должен был отпугнуть мелких духов, привлеченных запахом свежей крови из ее вен. Она плеснула воды в котелок, подвесив его над огнем. Вода закипела быстро, почти мгновенно покрывшись серебристой пленкой пара.

Пока вода грелась, она подошла к окну. Сквозь мутный пузырь бычьего пузыря мир казался размытым, акварельным. Лес стоял неподвижной стеной, черный и непроницаемый. Только вороны иногда нарушали эту тишину, кружа над верхушками деревьев, словно черные запятые на сером листе бумаги. Один из них сидел прямо на подоконнике, тараша на нее блестящий глаз-бусинку.

— Уходи, — тихо сказала Шарлотта. — Сегодня я иду в город. Не хочу, чтобы ты летел следом и шептал новости Нижнему двору раньше времени.

Ворон каркнул, будто рассмеялся, и сорвался с места, растворившись в тумане. Шарлотта отвернулась от окна. На столе стояла небольшая корзинка из ивовых прутьев, пустая. Ей нужны были травы: зверобой для защиты, тысячелистник для очищения, рута для памяти. Городские аптекари брали втридорога и всегда задавали слишком много вопросов. Лучше собрать самой, пока роса еще не сошла.

Она накинула шаль на плечи, завязав концы простым узлом на груди. Корзинку повесила на сгиб локтя. Дверь скрипнула, когда она толкнула ее плечом, выходя наружу. Холод тут же лизнул щеки, пробрался под одежду, заставил кожу покрыться мурашками. Земля была твердой, схваченной ночным морозцем, но воздух уже пах сыростью и прелой листвой.

Туман стелился по земле плотными полосами, скрывая тропу. Шарлотта шла уверенно, зная каждый камень, каждую корягу на пути. Ее ноги в грубых башмаках ступали беззвучно. Она не боялась заблудиться или встретить дикого зверя. Звери чувствовали ее суть и обходили стороной. Опасность исходила не от когтей и клыков.

Через час пути туман начал редеть, уступая место клочьям сизого дыма, поднимавшегося из труб деревенских домов. Впереди показались первые крыши — соломенные, почерневшие от дождей, с резными коньками, изображавшими то ли драконов, то ли птиц. Это была деревня Гриммхольц, крайняя точка цивилизации перед тем, как начинались владения старосты Гримма и, дальше, Проклятый лес.

Шарлотта замедлила шаг. Здесь ее знали. Или думали, что знают. Для этих людей она была «ведьмой с края леса», той, кого лучше поминать шепотом и оставлять подношения на пороге, если захочешь дождя или исцеления скота. Но сегодня ей нужно было пройти через

деревню незамеченной. Слишком свежи были воспоминания о визите пекаря Йохана, и слишком тяжел груз нового долга.

Она свернула с главной дороги, пошла вдоль плетня, заросшего ежевикой. Плетень покоился, но все еще служил преградой для любопытных глаз. Шарлотта скользила между домами, как тень. Дети, игравшие во дворе у колодца, заметили ее первыми. Они замерли с ведрами в руках, уставились широко раскрытыми глазами. Старший мальчик осенил себя знаком креста, младший спрятался за юбку матери, выглянувшей на шум.

Шарлотта не посмотрела в их сторону. Она знала, что видят дети. За внешней красотой они чувствуют гниль. Их души еще не очерствели, не научились закрывать глаза ради выживания. Поэтому они кричали от ужаса при виде нее, даже если она просто проходила мимо, молча и опустив голову.

Взрослые вели себя иначе. Мужчины провожали ее взглядами, в которых мешались похоть и страх. Женщины отводили глаза, пряча руки под фартуками, будто защищаясь от сглаза. Никто не решался заговорить. Лишь старая Марта, торговка яйцами, кивнула ей из-за прилавка, когда Шарлотта вышла на рыночную площадь.

Площадь гудела. Утренний рынок только разгорался. Крестьяне везли телеги с овощами, женщины несли корзины с битой птицей, мальчишки-разносчики бегали между рядами, выкрикивая цены на соль и свечи. Воздух был густым от запахов: свежего хлеба, жареного лука, кислого молока, навоза и дешевого табака.

Шарлотта остановилась у прилавка с травами, делая вид, что выбирает пучок петрушки. На самом деле она слушала. Нужно было понять, кто из торговцев сегодня продает нужные ей травы и по какой цене. Рынок — это не только обмен товарами, но и обмен информацией. А информация сейчас была важнее денег.

— ...говорят, вчера ночью волки опять приходили к овечьему загону, — громко рассказывал мясник своему соседу, взвешивая кусок свинины на старых весах. — Только это были не волки. Собаки лаяли, а потом замолчали разом. Будто кто-то им глотки перерезал одним махом.

— Может, медведь? — предположил булочник, вытирая руки о засаленный фартук.

— Медведь? В октябре? — хмыкнул мясник. — И почему тогда следы вели не в лес, а из него? Прямо к воротам замка барона фон Хагена?

Шарлотта напряглась. Замок барона находился далеко отсюда, на вершине холма, возвышаясь над долиной, как каменная корона. Барон был человеком жестоким, но трусливым. Он верил в силу оружия больше, чем в силу молитв, и потому держал целый отряд наемников. Что могло понадобиться существам из Проклятого леса у стен его цитадели?

Она оставила корзину с петрушкой на прилавке и двинулась дальше, к ряду, где торговали лекарственными растениями. Там, среди связок мяты и ромашки, она нашла то, что искала. Сухие стебли зверобоя, желтые цветы тысячелистника, листья подорожника. Торговка, пожилая женщина с лицом, похожим на печеное яблоко, подняла на нее взгляд.

— Доброе утро, госпожа, — проскрипела она. Голос ее звучал ровно, но пальцы, перебиравшие травы, слегка дрожали. — Вам как обычно? По старой цене?

— Мне нужно больше, чем обычно, Агнесса, — ответила Шарлотта, стараясь говорить мягко. Мягкость давалась ей труднее всего. Когда тьма внутри бурлит, любая доброта кажется фальшивой маской. — И мне нужна рута. Свежая, если есть.

Агнесса кивнула, быстро собрала заказ в полотняный мешочек, перевязанный бечевкой. — Рута будет готова к вечеру. Я оставлю у калитки вашего дома, как договаривались.

— Благодарю, — Шарлотта протянула несколько медяков. Монеты звякнули, упав в подставленную ладонь. — Скажи, не слышала ли ты чего-нибудь странного этой ночью? Про замок барона?

Агнесса огляделась по сторонам, убедившись, что никто не подслушивает. — Слышала, как колокол в часовне звонил сам по себе. Три удара. А потом... — она понизила голос до шепота, — говорят, видели всадника. Черного, как смола, без лица. Он скакал по дороге к замку, а за ним бежала свора темных псов. Люди прятались по домам, двери запирали на три засова.

Всадник без лица. Темные псы. Все признаки указывали на одного из гонимых Нижнего двора. Значит, они действительно собираются взыскать долг. И встреча назначена в склепах под собором Святого Игнатия. Место силы, где границы миров истончаются настолько, что можно услышать дыхание бездны.

Шарлотта поблагодарила торговку и отошла от прилавка. Мешочек с травами приятно оттягивал руку. Теперь оставалось купить хлеб и молоко, и можно возвращаться домой. Домой, где можно закрыть ставни, заварить отвар и попытаться уснуть, несмотря на пульсацию чужого долга в венах.

Но судьба редко отпускает тех, кто ходит по лезвию ножа, так легко.

Она направилась к булочной, откуда тянуло ароматом свежей сдобы и ванили. Булочник, молодой парень с румяными щеками, завидев ее, побледнел и принялся суетливо перекладывать буханки хлеба, пряча лицо.

— Хлеб, — коротко бросила Шарлотта. — Самый простой. Без специй.

Булочник кивнул, не поднимая глаз, завернул каравай в чистую тряпицу. Его руки тряслись, когда он принимал плату. Шарлотта уже собиралась уходить, когда дверь булочной распахнулась с такой силой, что ударила о стену.

На пороге стоял юноша. Высокий, широкоплечий, в кожаных латах, поверх которых был наброшен алый плащ с гербом барона — серебряным кабаном на черном поле. На боку висел меч, рукоять которого была украшена золотом и драгоценными камнями. Юноше было не больше двадцати лет; его светлые волосы были аккуратно зачесаны, а голубые глаза сияли тем особенным блеском, который бывает только у людей, никогда не знавших настоящего голода или страха.

Он окинул помещение быстрым взглядом, заметил Шарлотту и замер. На его лице отразилось удивление, смешанное с восхищением. Он видел перед собой не ведьму, крадущуюся по рынку, а прекрасную даму, сошедшую с витража собора.

— Простите мою дерзость, госпожа, — произнес он, обращаясь к ней, но не сводя взгляда с ее лица. — Я впервые вижу вас здесь. Вы, должно быть, нездешняя?

Шарлотта почувствовала, как холодок пробежал по спине. Этот юноша был опасен. Не своей силой или оружием, а своим невежеством и уверенностью в собственной правоте. Такие люди верят, что весь мир принадлежит им, стоит лишь протянуть руку.

— Я живу на краю леса, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Меня зовут Шарлотта.

— Шарлотта... Какое красивое имя, — улыбнулся юноша. Зубы у него были белые, ровные, как жемчуг. — Позвольте представиться. Я — Вальтер фон Эберштейн, оруженосец барона фон Хагена. Мы возвращаемся в замок после охоты, и мой господин позволил мне сделать небольшой крюк, чтобы посмотреть на местные достопримечательности. Должен признать, эта встреча стала самым приятным открытием за сегодняшний день.

Он сделал шаг вперед, намереваясь подойти ближе. Шарлотта инстинктивно отступила назад, прижимаясь спиной к стене. Вальтер заметил ее движение, но неправильно истолковал его. Он решил, что она смущена его вниманием.

— Не бойтесь меня, прекрасная Шарлотта, — сказал он, и в его голосе прозвучали нотки рыцарского романа. — Рыцарский кодекс чести священен. Я не причиню вам вреда. Напротив, я хотел бы проводить вас. Дороги нынче небезопасны, особенно для одинокой красавицы.

За его спиной раздалось недовольное фырканье лошади. Всадники, сопровождавшие Вальтера, ждали снаружи, переминаясь с ноги на ногу. Им явно надоело стоять на месте, и они хотели поскорее вернуться в тепло замка.

— Благодарю за заботу, сэр Вальтер, — ответила Шарлотта, чувствуя, как внутри поднимается волна раздражения. — Но я привыкла ходить одна. Мои тропы безопасны для меня.

— Ваши тропы ведут через проклятый лес! — воскликнул юноша, всплеснув руками. — Любой здравомыслящий человек скажет вам, что это безумие. Позвольте хотя бы дать вам охрану. Два моих лучших человека проводят вас до самого дома.

Он обернулся к двери и крикнул: — Генрих! Конрад! Сюда!

Двое вооруженных мужчин вошли в булочную. Оба были старше Вальтера, суровые, с обветренными лицами и тяжелыми взглядами. Они смотрели на Шарлотту без всякого восхищения, скорее с подозрением и опаской. Они видели в ней угрозу, которую их юный хозяин не замечал.

— Госпожа не нуждается в охране, — твердо сказала Шарлотта, повысив голос. — Я сказала, что пойду одна. Это мое право.

Вальтер нахмурился. Ему не нравилось, когда ему перечили, особенно женщины. — Право? — переспросил он, и в его глазах мелькнул холодный блеск. — Кто дал вам право распоряжаться здесь? Эта земля принадлежит барону фон Хагену, а значит, и всем, кто служит ему. Вы будете делать то, что вам скажут.

Он протянул руку, намереваясь схватить ее за локоть. Шарлотта не успела ничего предпринять. Реакция пришла сама, из глубины подсознания, из тех слоев сущности, которые она старалась держать взаперти.

Ее губы прошептали одно-единственное слово. Слово, которое не имело смысла ни на одном человеческом языке, но содержало в себе древнюю мощь повелевания живой материей.

Лошадь, стоявшая на улице, вдруг заржала так громко, что эхо прокатилось по всей площади. Животное взвилось на дыбы, взбрыкнуло копытами и рванулось вперед, сбивая с ног одного из стражников. Второй попытался удержать поводья, но испуганная лошадь мотнула головой, вырвала уздечку и понеслась галопом сквозь толпу, сбивая лотки с товаром и пугая людей.

Внутри булочной началась паника. Женщины закричали, дети заплакали. Вальтер фон Эберштейн отшатнулся, едва удержавшись на ногах. Его лицо исказилось от ярости и унижения.

— Ах ты, ведьма! — выдохнул он, хватаясь за рукоять меча. — Ты посмела поднять руку на слугу барона! Да я...

Он не договорил. Шарлотта смотрела на него без страха, но с глубокой, всепоглощающей усталостью. Она видела сотни таких, как он. Самоуверенных, красивых, считающих, что красота дает им право брать всё, что пожелают.

— Уходите, Вальтер фон Эберштейн, — тихо сказала она. — Пока ваша гордость не привела к беде. Ваша жизнь дорога вашему господину, но моя цена — не золото. Запомните это.

Она развернулась и, не оглядываясь, вышла из булочной. Толпа расступалась перед ней, образуя коридор. Люди шарахались, некоторые крестились, другие плевали вслед. Страх был сильнее любопытства. Шарлотта шла быстро, сжимая в руке узелок с хлебом и мешочек с травами. Сердце билось учащенно, но не от страха. От злости. На этого избалованного щенка, на свою судьбу, на саму себя за то, что позволила ситуации зайти так далеко.

Когда она миновала последний дом деревни и вышла на дорогу, ведущую к лесу, туман снова стал плотнее. Он укрывал ее, как саван, скрывая от посторонних глаз. Шарлотта остановилась, глубоко вдохнула сырой воздух. Перед глазами стояло лицо Вальтера: смесь детского возмущения и взрослого высокомерия.

«Люди видят либо ангела, либо демона», — подумала она, повторяя мысль, которая посетила ее накануне. Для крестьянина она была спасительницей, способной вернуть здоровье умирающему ребенку. Для рыцаря — соблазном, опасным созданием, которое следует либо покорить, либо уничтожить. Никто не видел в ней просто женщину. Просто человека.

Воспоминание обожгло сознание, как раскаленное железо. Детство. Деревня Штайнграбен. Маленькая девочка с волосами цвета соломы и глазами, в которых отражалось небо. Девочка, которая не росла. Другие дети становились выше, их щеки округлялись, голоса ломались. А она оставалась прежней. К десяти годам разница стала заметна. К двенадцати — вопиющей.

Ее мать умерла родами, оставив ее отцу, кузнецу Иоганну, крепкому мужчине с мозолистыми руками и добрым сердцем. Сначала соседи жалели сироту, приносили еду, помогали по хозяйству. Но время шло, а маленькая Шарлотта не менялась. Год за годом она выглядела как ребенок, в то время как ее сверстницы превращались в девушек, а затем в женщин.

Сначала пошли слухи. Соседи стали коситься, когда она проходила мимо. Дети перестали играть с ней, называя «кукольной девочкой». Отец пытался объяснить, что это дар Божий, что Господь сохранил его дочь чистой и нетронутой временем. Но люди не верили в дары. Они верили в проклятия.

Однажды вечером, когда Шарлотте исполнилось тринадцать (по документам, но внешне она все еще выглядела семилетней), в их дом пришли жители деревни. Во главе шел пастор Клаус, худой мужчина с фанатичным блеском в глазах. Он принес с собой Библию и святую воду.

— Иоганн, — сказал пастор, глядя не на отца, а на девочку, сидевшую на лавке у печи. — Твоя дочь отмечена печатью дьявола. Она не растет. Она не меняется. Это против природы. Против воли Господа.

Отец встал перед ней, заслоняя своим телом. — Она моя дочь, пастор. Кровь от крови моей. Господь испытывает нас, но не карает невинных.

Пастор Клаус покачал головой. — Испытание? Нет, Иоганн. Это искушение. Сатана принимает разные облики, чтобы ввести праведников в грех. Вспомни Евангелие от Луки: «Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя». Твоя дочь — это твоя рука, Иоганн. И она ведет тебя к гибели.

Толпа зашумела. Женщины крестились, мужчины сжимали кулаки. Кто-то бросил камень, разбивший окно. Шарлотта сжалась на лавке, обхватив колени руками. Она не понимала слов, но чувствовала ненависть, направленную на нее. Ненависть, рожденную из зависти и страха перед непонятным.

Иоганн побледнел, но не отступил. — Она не демон, пастор. Она просто другая. Бог создал ее такой.

Пастор Клаус подошел к нему вплотную, понизив голос так, чтобы слышала только Шарлотта. — Бог создает людей по образу Своему, дитя. А ты не похожа ни на мужчину, ни на женщину. Ты застряла между мирами. Это работа Лукавого. Покайся, Иоганн. Изгони зло из своего дома, пока оно не погубило всю деревню.

Кузнец посмотрел на свою дочь. В его глазах боролись любовь и страх. Он любил ее, но боялся потерять уважение общины, боялся остаться один против всех.

— Что ты предлагаешь, пастор? — спросил он наконец.

Пастор улыбнулся, и эта улыбка была страшнее любого оскала. — Пусть она пройдет испытание водой. Если она истинное дитя Господне, святая вода не причинит ей вреда. Если же она одержима — вода вспыхнет огнем.

Шарлотта не помнила, что произошло дальше. Воспоминания об этом дне были похожи на рваные лоскуты ткани. Вот отец берет ее за руку, подводит к бадье с дождевой водой. Вот

пастор читает молитву, брызгая святой водой из церкви. Вот чей-то крик. Огонь. Боль. Потеря сознания.

Очнулась она в лесу, у подножия старого дуба. Рядом никого не было. Она была голой, замерзшей, покрытой ожогами от святой воды, которая действительно воспламенилась при контакте с ее кожей. Люди считали, что изгнали ее. На самом деле она ушла сама, поняв, что в деревне ей нет места. Поняв, что ее сущность — это клеймо, которое невозможно смыть.

С тех пор прошло много лет. Много зим сменило лето. Она научилась жить в одиночестве, принимать плату за свои услуги, но никогда не просить милостыню. Она поняла, что красота — это не благословение, а проклятие. Красивые вещи привлекают внимание. Красивые люди вызывают желание обладать ими.

Вальтер фон Эберштейн был тому доказательством. Он увидел красивую женщину и решил, что имеет право прикоснуться к ней. Решил, что может подчинить ее своей воле. Он не понял главного: Шарлотта давно перестала принадлежать миру людей. Она была мостом между светом и тьмой, и этот мост шатался под тяжестью каждого шага.

Дорога сделала поворот, и впереди показалась граница леса. Стволы деревьев стояли так плотно, что казалось, будто это крепостная стена, возведенная великанами. Туман здесь был гуще, пах грибами и влажной землей. Шарлотта ускорила шаг, желая быстрее оказаться в своем убежище, где можно снять маску и позволить тьме выйти на поверхность.

Она уже почти дошла до знакомой поляны, когда услышала позади топот копыт. Обернувшись, она увидела троих всадников. Вальтер фон Эберштейн скакал первым, его лицо было искажено гневом. Двое стражников следовали за ним.

— Эй, ведьма! — крикнул он, останавливая коня в нескольких метрах от нее. — Ты думала, что можешь безнаказанно оскорблять рыцаря? Я требую сатисфакции!

Шарлотта поставила корзинку на землю и выпрямилась. Она не боялась смерти. Смерть была бы избавлением от бесконечного счета долгов. Но она не хотела, чтобы из-за ее ошибки пострадали невинные.

— Чего вы хотите, Вальтер? — спросила она спокойно.

— Я хочу преподать тебе урок, — ответил он, спешиваясь. Меч покинул ножны с мелодичным звоном. — Ты узнаешь, что нельзя безнаказанно поднимать руку на благородного человека. Я вызываю тебя на поединок. Здесь и сейчас.

Стражники переглянулись. Один из них тронул поводья, собираясь вмешаться, но Вальтер поднял руку, останавливая его. — Это личное дело чести, — заявил он. — Оставьте нас.

Мужчины нехотя отъехали в сторону, но остались неподалеку, готовые прийти на помощь, если ситуация выйдет из-под контроля.

Вальтер снял шлем, обнажив потные светлые волосы. Он дышал тяжело, грудь вздымалась. Он был уверен в своей победе. Молодой, сильный, обученный владеть мечом с детства. Против него — хрупкая женщина с травами в корзинке.

— Ты не принимаешь вызов? — презрительно усмехнулся он. — Боишься?

— Я не дерусь на дуэлях, — ответила Шарлотта. — Мой поединок происходит не на полях сражений.

— Тогда ты умрешь трусихой! — воскликнул Вальтер и ринулся вперед, занося меч для удара.

Шарлотта не стала уворачиваться. Она просто выставила руку ладонью вперед и произнесла короткое, резкое слово. Воздух вокруг Вальтера сгустился, стал вязким, как патока. Меч остановился в сантиметре от ее горла, словно наткнувшись на невидимую стену. Лицо рыцаря исказилось от усилия, жилы на шее вздулись, но он не мог пошевелить рукой.

— Отпусти клинок, Вальтер фон Эберштейн, — сказала она, и в ее голосе зазвенел металл. — Иначе следующий урок ты получишь от своих костей.

Юноша зарычал от бессилия, но пальцы разжались. Меч упал на траву с глухим стуком. Вальтер отшатнулся, глядя на нее с ужасом и ненавистью одновременно. Теперь он видел в ней не прекрасную даму, а чудовище.

— Ведьма! — выплюнул он. — Ты заплатишься за это! Я расскажу барону о том, что ты сделала. Он объявит на тебя охоту. Весь гарнизон будет прочесывать лес!

— Делай что хочешь, — устало ответила Шарлотта. Она нагнулась, подняла свой мешочек с травами и корзинку. — Но запомни мои слова, Вальтер. Жизнь дороже любой гордости. Однажды ты поймешь это.

Она повернулась к нему спиной и пошла к дому, не оглядываясь. Позади раздавались ругательства и звук удаляющихся копыт. Вальтер уезжал, униженный и обозленный, но живой.

Когда звуки затихли, Шарлотта вошла под сень деревьев. Туман здесь был таким плотным, что казалось, будто идешь сквозь молоко. Ветви деревьев склонялись к ней, приветствуя старую знакомую. Лес знал ее. Лес принимал ее.

Дом встретил ее теплом очага и привычными запахами. Шарлотта закрыла дверь на тяжелый дубовый засов, сбросила шаль на сундук и прошла к столу. Поставила корзинку, достала травы. Руки слегка дрожали — не от усталости, а от осознания того, насколько близко она подошла к грани.

Она села на скамью у огня, вытянув ноги к теплу. Тьма внутри успокоилась, удовлетворенная маленькой победой. Но удовлетворение длилось недолго. Вскоре на смену ему пришел холод. Тот самый холод, который приходит, когда понимаешь, что каждое доброе дело делает тебя слабее, а каждая сделка с тьмой — чуть менее человеческой.

Она вспомнила Элиаса. Мальчика, чья жизнь стоила ей части души. Вспомнила его отца, уходящего по тропе с надеждой в сердце. Эти воспоминания были ее единственной наградой. Единственным оправданием существования.

Шарлотта взяла в руки пучок зверобоя, начала перебирать сухие стебли. Завтра нужно будет приготовить защитные амулеты. Нижний двор не прощает долгов. Придется спускаться в город, искать вход в катакомбы под собором. Идти туда одной опасно, но выбора нет.

Она посмотрела на свое отражение в темном оконном стекле. Девушка с лицом ребенка и глазами древней старухи. Ангел, ставший демоном. Демон, мечтающий стать ангелом.

Цена красоты оказалась высока. Она платила ее годами одиночества, чужими жизнями и собственными кошмарами. Но отказаться от этой платы она не могла. Потому что где-то там, в мире живых, оставался шанс спасти еще одну душу. Даже если ради этого придется отдать последнюю каплю света, что еще теплилась в ее черной душе.

Глава 3. Воин, потерявший силу

Ночь опустилась на долину Лерден внезапно, словно кто-то задернул тяжелый бархатный полог над миром. Туман сгустился до состояния плотной ваты, поглотив не только очертания деревьев, но и свет луны. Дом Шарлотты казался единственным островком тепла в этом безбрежном сером океане. Синий огонь в очаге отбрасывал на стены пляшущие тени, превращая скромную утварь в причудливые изваяния.

Шарлотта сидела у огня, скрестив ноги по-турецки. Перед ней на куске воловьей кожи лежали ингредиенты для завтрашнего ритуала: толченный рог оленя, сушеные летучие мыши, щепотка кладбищенской земли из-под северной стороны могилы самоубийцы и флакон темного стекла с густой жидкостью, пахнувшей железом и озоном — концентрат ее собственной крови, смешанной с соком белладонны.

Она работала методично, почти механически. Пальцы двигались сами собой, перетирая травы в каменной ступке, пока мысли блуждали далеко отсюда. Она думала о Вальтере фон Эберштейне. Юноша был глупцом, движимым тщеславием, но его гнев имел вес. Барон фон Хаген славился своей мстительностью. Если оруженосец расскажет ему о «ведьме», способной остановить меч взглядом, лес скоро наполнится ищейками. А ищейки привлекают внимание тех, кому она задолжала свою душу.

Внезапно тишину разорвал стук. Не робкий, просящий поскрести в дверь костяшками пальцев, а тяжелый, гулкий удар кулаком в дубовые доски. Удар воина. Или того, кто отчаянно хочет им казаться.

Тьма внутри Шарлотты мгновенно подобралась, как хищник перед прыжком. Она замерла, прислушиваясь. За дверью стояла смерть. Это было не предчувствие, это был запах — сладковатый аромат гниющей плоти, вьевшийся в кожу, который невозможно смыть никаким мылом. Запах старых ран и медных монеток на глазах покойника.

— Входи, если пришел один, — громко сказала она, не вставая со скамьи.

Дверь отворилась медленно, пропуская внутрь волну ледяного воздуха. На пороге возник силуэт мужчины. Он был огромен даже сейчас, когда сутулился под тяжестью невидимой ноши. Дождь промочил его плащ насквозь, вода стекала на земляной пол, образуя грязную лужу. Вошедший сделал шаг вперед, опираясь на массивный посох из ясеня, увенчанный потемневшим серебряным набалдашником в виде головы ворона.

Лицо гостя напоминало старую карту дорог, проложенных через поля сражений. Глубокие шрамы пересекали щеки и лоб, нос был сломан минимум трижды, превратившись в бесформенную лепешку. Но самыми страшными были глаза. Блеклые, выцветшие от времени и боли, они смотрели сквозь Шарлотту куда-то в пустоту. Левый глаз скрывала черная кожаная повязка, прошитая грубой нитью.

— Ты ведьма? — голос его был похож на скрежет камней в жернове. Низкий, лишенный интонаций.

— Меня зовут Шарлотта, — поправила она. — Садись ближе к огню, старик. От тебя несет кровью и болотной тиной. Простынешь — лечить не стану.

Гость хмыкнул, звук больше походил на кашель. Он тяжело опустился на край лавки напротив нее. Дерево жалобно скрипнуло под его весом. Посох он поставил между колен, продолжая сжимать его так, будто это была единственная опора, удерживающая его от падения в бездну.

— Мне сказали, ты берешь плату вещами, которые нельзя положить в кошель, — начал он, глядя в пламя. Его руки, покрытые мозолями и старыми ожогами, дрожали мелкой, едва заметной дрожью. — Говорят, ты можешь вернуть то, что забрали годы и сталь.

— Годы забрать могу только Бог или Время, — ответила Шарлотта. — И обе эти инстанции крайне неохотно идут на сделки. Что касается стали... Я могу заставить рану закрыться. Могу сделать кости крепче камня. Но скажи мне честно, воин, зачем тебе сила? Чтобы умереть стоя, а не лежа?

Старик впервые поднял голову. Его единственный зрячий глаз впился в лицо Шарлотты. В этом взгляде не было ни страха, ни благоговения, лишь глухая, выжженная дотла решимость. — Мое имя Ульфрик. Когда-то меня звали Ульфрик Медвежья Шея. Я служил в гвардии герцога Альбрехта. Я ломал хребты лошадям голыми руками и стоял в строю Черной Стражи при битве на Красных Холмах.

Он замолчал, переводя дыхание. Воспоминание явно стоило ему усилий. — Теперь я просто старый калека. Руки не держат топор. Спина болит так, что я не могу спать дольше часа без макового отвара. Ноги... — он постучал тяжелым сапогом по полу, — иногда отказывают прямо посреди дороги. Я пережил чуму, дюжину войн и три покушения. Но время оказалось самым искусным убийцей. Оно убивает медленно, заставляя каждый день смотреть, как твои руки становятся бесполезными плетями.

Шарлотта слушала молча. Она знала этот тип мужчин. Они жили войной, дышали ею. Без битвы их существование теряло смысл. Они цеплялись за жизнь не ради самой жизни, а ради возможности еще раз почувствовать вкус чужой крови на губах.

— Все мы становимся прахом, Ульфрик, — тихо произнесла она. — Таков закон равновесия. — К демонам равновесие! — рывкнул он так неожиданно, что синий огонь в очаге дернулся. — Мне плевать на законы мира! Моя дочь, Агата... Ей пятнадцать. Лицо чистое, как первый снег, руки нежные. Ее мать умерла родами, и с тех пор Агата — единственное, что держит меня здесь.

Его голос дрогнул, выдавая скрытую панику. — Неделю назад в нашу деревню пришли люди барона фон Хагена. Сборщики налогов. Их возглавлял человек по имени Клаус Мясник. Ты слышала о таком?

Шарлотта кивнула. О Клаусе ходили легенды. Бывший наемник, переквалифицировавшийся в личного палача и сборщика долгов барона. Человек, получающий удовольствие от процесса выбивания недоимок.

— Они нашли повод. Сказали, что моя свинья слишком жирная для нашего надела. Клаус хотел забрать Агату. Сказал, что девочка будет хорошо смотреться в замковой кухне... или в спальне управляющего. Я схватился за старый меч. Я убил двоих. Но остальные... — он сжал челюсти так, что желваки заходили ходуном. — Остальные избили меня прикладами арбалетов и бросили в грязь. Я смотрел, как они уходят, уводя мою девочку. Они оставили ее мне, но пригрозили вернуться через седмицу. Сказали, что тогда заберут ее силой, а меня повесят на воротах его собственного дома.

Ульфрик наклонился вперед, упираясь тяжелыми ладонями в колени. От него пахло невыносимым зловонием старой раны, которая начала гнить изнутри. — У меня есть серебро. Мешочек, спрятанный под половицей. Я отдам всё. Сделай меня снова сильным. Таким, каким я был двадцать лет назад. Мне не нужно жить долго. Мне нужна одна ночь. Одна битва. Я хочу встретить Клауса Мясника и выпустить ему кишки его же собственным кинжалом. Защити мою дочь, ведьма. Возьми взамен всё, что у меня есть.

Наступила тишину, нарушаемая лишь треском дров в очаге. Шарлотта смотрела на этого сломленного гиганта. Она видела каждую трещину в его ауре. Его жизненная сила вытекала из него, как вода из дырявого ведра. Десятилетия резни истощили его дух, оставив лишь пустую, жаждущую мести оболочку.

Обычный лекарь дал бы ему настойку полыни для бодрости и примочки из живокоста. Обычная знахарка прочитала бы заговор на железо. Но Ульфрику не нужны были костыли. Ему нужен был экзоскелет из ярости и магии.

Шарлотта встала. Подойдя к сундуку в углу, она откинула тяжелую крышку. Внутри, среди мешочков с травами, лежал предмет, завернутый в черный шелк. Она достала его и вернулась к столу.

— Серебро оставь себе, — сказала она, разворачивая ткань. — Оно тебе понадобится, чтобы похоронить Агату достойно, если я ошибусь.

На столе лежала человеческая бедренная кость, идеально очищенная и отполированная до матового блеска. На ней были вырезаны руны Старшего Футарка, переплетенные в сложный узор, от которого исходило едва уловимое фиолетовое свечение. — Это ключ, — пояснила Шарлотта. — Но замок находится внутри тебя. То, что я предлагаю, называется «Эгида Плоти». Древняя магия. Запрещенная. Она не лечит. Она заменяет. Мы возьмем твою боль, твой страх старости, твою слабость... и обменяем их на первобытную мощь зверя.

Она взяла нож, тот самый, с рукоятью из оленьего рога. — Твои мышцы станут тверже дуба. Твоя кожа перестанет чувствовать рубящие удары. Ты сможешь поднять коня одной рукой. Но за всё нужно платить, Ульффрик. Равновесие требует жертвы.

Воин усмехнулся, обнажив остатки пожелтевших зубов. — Я готов отдать остаток своих дней. Забери их все хоть сейчас!

— Дело не в днях, — холодно возразила Шарлотта. — Магия такого уровня сжигает жизненную искру быстрее фитиля. Ты сгоришь изнутри за месяц, может быть, за два. Боль будет такой, что нынешняя покажется лаской матери. Но самое главное... — она наклонилась к нему вплотную, заглядывая в единственный глаз. — После смерти твоя душа не уйдет в чертоги предков. Она станет моей собственностью. Моим слугой. Тенью в моем доме. Ты будешь охранять мой порог вечно, пока само Время не обратится в пыль. Никаких райских садов. Только вечная служба той, кто вернул тебе силу.

Ульффрик не колебался ни секунды. Страх потерять дочь был сильнее страха вечного проклятия. — Где подписать? — прохрипел он.

— Кровью, — ответила Шарлотта. — Своей кровью. До последней капли.

Она жестом велела ему снять рубаху. Ульффрик поднялся. Его тело было ужасающей картой человеческой жестокости. Спина представляла собой месиво из белых и багровых шрамов, левое плечо было раздроблено так и не срослось правильно, ребра выпирали под бледной кожей. Он выглядел как живой мертвец, который почему-то забыл прилечь в гроб.

Шарлотта окунула лезвие ножа в чашу с густым отваром чемерицы. — Ложись на стол лицом вниз, — приказала она. — И держись за края. Первый этап — самая сильная боль в твоей жизни.

Ульффрик послушно лег на широкую дубовую столешницу. Дерево затрещало, принимая его вес. Шарлотта положила резную кость ему на позвоночник, ровно между лопаток. Руны на кости вспыхнули ярче.

— Начнем, — шепнула она.

Она полоснула ножом вдоль его позвоночника. Но вместо того чтобы просто рассечь кожу, лезвие вошло глубоко, достигая остистых отростков позвонков. Ульффрик закричал — низко, утробно, вибрирующе. Звук был таким громким, что с потолочных балок посыпалась труха.

Шарлотта не обращала внимания на крик. Она действовала быстро и точно. Обмакивая пальцы в чашу с черной кровью (своей собственной, собранной накануне), она начала втирать вязкую жидкость в открытую рану. Кровь шипела, соприкасаясь с живой плотью, испаряясь сизым дымком.

Затем она взяла кость. Прижав ее к позвоночнику, она запела. Это была не молитва и не песня на человеческом языке. Это был гортанный, рычащий речитатив на языке древних йотунов, тех, кто жил на земле задолго до появления людей. Слова звучали как камни, катящиеся в обвале.

Как только первые звуки сорвались с ее губ, процесс пошел. Кость начала погружаться в спину Ульффрика. Не прорезать, а именно *погружаться*, сливаясь с позвоночником, становясь его частью. Руны на кости текли, как расплавленный воск, перетекая под кожу воина, проступая сине-черными венозными узорами по всей его спине, плечам и груди.

Мышцы Ульффрика начали сокращаться хаотично. Сухожилия натянулись, как корабельные канаты. Шарлотта видела, как меняется сама структура его тела. Старые, атрофированные волокна разрывались, уступая место новым, молодым, пульсирующим неестественной энергией. Суставы издавали хруст, похожий на треск ломающихся веток, но затем вставали на место с омерзительным влажным щелчком.

Рана на спине закрылась сама собой, втянув кость внутрь. Кожа сошлась, оставив после себя лишь гладкую поверхность, покрытую сеткой светящихся рун, видимых даже сквозь рубашку.

Процесс длился около четверти часа. Всё это время Ульффрик бился в конвульсиях, прикусив язык так сильно, что кровь заливала его бороду. Но он не издал ни звука, кроме тяжелого, kloкочущего дыхания. Его выдержка старого ветерана боролась с пыткой преобразования.

Когда всё закончилось, он обмяк, рухнув на стол без сознания. Пар поднимался от его обнаженной спины. Шарлотта тяжело оперлась о стол. Проведение такого ритуала требовало колоссальных затрат сил. Тьма внутри нее жадно впитывала эманации страдания, урчала от удовольствия, но Шарлотта чувствовала, как головная боль начинает сдавливать виски. Каждая такая сделка приближала миг, когда тьма решит, что хозяйка ей больше не нужна.

Она подошла к бадье с водой, зачерпнула ковш и плеснула на лицо воина. Ульффрик резко сел. Движение было настолько быстрым и мощным, что столешница раскололась пополам, и гигант оказался на полу среди обломков дерева.

Он встал. Это уже не было движением старика. Он выпрямился во весь свой исполинский рост одним плавным, текучим движением, словно кошка. Шарлотта увидела, как изменились его плечи — они стали шире, бугры мышц играли под кожей, которая теперь приобрела странный, землистый оттенок.

Ульффрик посмотрел на свои руки. Сжал кулак. Костяшки побелели. Он нанес короткий, быстрый удар по остаткам стола. Дубовая доска толщиной в три пальца разлетелась в мелкую щепу, словно была сделана из бальсы.

Из его горла вырвался смех. Сначала тихий, неуверенный, потом он перерос в настоящий хохот — громовой, безумный. Смех человека, который десять лет чувствовал себя насекомым и вдруг обнаружил, что может давить сапогом горы.

— Клянусь черепами предков... — прохрипел он, ощупывая свое лицо. Морщины разгладились, шрамы остались, но теперь они выглядели не следами увядания, а боевыми отметинами бога войны. — Я чувствую землю. Я чувствую ток крови в деревьях. Старая крыса, да я могу свернуть шею медведю!

— Тише, — оборвала его Шарлотта. — Ты напугаешь ворон.

Ульффрик обернулся к ней. В его единственном глазу плескалось пьянящее чувство всемогущества. Он шагнул к ней, нависая огромной тенью. — Как долго это продлится? — спросил он, и его голос теперь звучал иначе — глубже, с рокоchущими басовыми нотами.

— Два месяца абсолютной силы, — четко ответила Шарлотта. — Затем начнется откат. Боль вернется, умноженная на десять. Кожа начнет отслаиваться. Кости станут хрупкими, как сухая трава. Ты превратишься в слизь, Ульффрик, и будешь умолять о смерти еще неделю, прежде чем она придет. А когда она придет...

— Ты заберешь мою душу, — закончил он за нее. Ухмылка не сходила с его лица. — Пусть так. Два месяца — это целая вечность для того, кто собирался умереть завтра утром от слабости в ногах. Я успею добраться до замка. Успею вытащить Агату. И Клаус Мясник познает такую боль, какая и не снилась обитателям Нижних миров.

Шарлотта прошла к своему рабочему столу. Открыла небольшую шкатулку из черного дерева. Внутри, на бархатной подкладке, лежал амулет — плоский диск, выточенный из колена неизвестного чудовища, скрепленный кожаным шнуром. — Надень это, — она протянула амулет воину. — Пока он на тебе, никто не сможет зачаровать твой разум или замедлить твои движения. Но если кто-то снимет его с твоего тела раньше срока... контракт аннулируется. Твоя душа свободна, но сила исчезнет в тот же миг. Не снимай его даже в бане.

Ульффрик взял диск. Металл был холодным, но в ладони воина тут же нагрелся. Он повесил амулет на шею. Тот лег поверх зарослей рун на груди, тускло мерцая в свете очага.

— Что ж, — Ульффрик расправил плечи, разминая суставы. Раздался звук, похожий на выстрелы мелких петард. — Пойду собираться. Мой старый топор, наверное, покажется мне сейчас зубочисткой. Нужно найти что-нибудь потяжелее.

Он направился к выходу. Шарлотта остановила его жестом. — погоди. Взгляни в зеркало.

Ульффрик остановился, непонимающе нахмурившись. Шарлотта сняла с крючка небольшое круглое зеркало в бронзовой раме и протянула ему.

Воин взял его небрежно, собираясь бросить мимолетный взгляд, и застыл. Из глубины стекла на него смотрел незнакомец. Да, черты лица принадлежали ему — те же сломанный нос, те же шрамы. Но глаза... Глазницы были абсолютно пусты. Там, где должен был быть белок и радужка, клубилась непроглядная, шевелящаяся мгла Бездны. Ни зрачка, ни блика света. Лишь вращающийся колодец первородной тьмы. Амулет на его груди пульсировал в такт этой темноте.

Ульффрик отшатнулся, чуть не выронив зеркало. Он перевел взгляд на свои руки, затем на грудь. Осознание пришло мгновенно, холодное и отрезвляющее, как вода из проруби. Он понял, что та сила, которую он чувствует, бурлящую в венах, не является его собственной. Он стал сосудом. Кожаным бурдюком, наполненным ядовитой ртутью.

— Что... что ты со мной сделала? — его голос дрогнул впервые за весь вечер. В нем прозвучал неподдельный, животный ужас.

— Вернула тебе долг природы, — спокойно ответила Шарлотта. — Ты просил мощи. Мощь всегда имеет облик монстра. Внешне ты выглядишь как герой саг. Но внутри, Ульффрик, там, где должно быть сердце, теперь живет голод. Помни об этом, когда пойдешь убивать. Если позволишь этому голоду взять верх, ты не остановишься на Клаусе. Ты начнешь с дочери. Просто потому, что ее пульс звучит слишком аппетитно.

Воин попятился к двери, прижимая руку к груди, туда, где висел амулет. Его огромное, могучее тело тряслось. Великан, способный голыми руками разорвать латника в полном доспехе, сейчас выглядел как нашкодивший мальчишка, осознавший, что вызвал настоящего демона.

— Я... я помню условие, — пробормотал он, не смея поднять на нее глаз. — Два месяца. Потом агония. Потом служение.

— Именно, — подтвердила Шарлотта. — А теперь иди. Ночь коротка, а путь до владений барона далек. И постарайся не убивать никого лишнего. Каждый лишний вздох, прерванный тобой сверх необходимого, добавит столетий к твоему сроку службы в моем подвале.

Ульффрик судорожно кивнул. Он толкнул дверь плечом и вывалился наружу, в туман. Шарлотта услышала тяжелые шаги, удаляющиеся в сторону деревни, а затем — тишину.

Она осталась стоять посреди комнаты, посреди обломков стола. Огонь в очаге горел ровно, синим пламенем.

Сделка была заключена. Еще одна страница в книге ее долгов перевернулась. Она подарила отцу шанс спасти ребенка, но породила чудовище, которое будет сеять смерть в долине. Баланс оставался неизменным: радость одного покупалась страданиями десятков других.

Шарлотта подошла к окну. Сквозь мутное стекло она видела, как высокая фигура Ульффрика растворяется в молочной пелене. Он шел широким, пружинящим шагом хищника, вышедшего на охоту. В каждом его движении сквозила смертельная грация.

Она подумала о том, что сказал рыцарь Вальтер. «Я объявлю на тебя охоту». Смешно. Сейчас, когда Нижний двор прислал своих вестников, а по дорогам бродит одержимый древним мраком великан, угроза какого-то баронского прихвостня казалась детской шалостью.

И всё же, тревога не отпускала. Шарлотта коснулась своего левого запястья. Под кожей змеились темные вены, складывающиеся в узоры контрактов. Место для новых записей оставалось всё меньше. Скоро рука почернеет целиком, от кисти до плеча. Тогда прятать суть станет невозможно. Придется либо уходить глубже в лес, навсегда отрекаясь от человеческого тепла, либо позволить тьме поглотить остатки личности окончательно.

Она отошла от окна. Подняла с пола осколок разбитого зеркала. Посмотрела на свое отражение. Девочка с глазами древней плакальщицы. «Доброта — это роскошь», — напомнила она себе. Но цена этой роскоши росла с каждой лунной. Сегодня она заплатила фрагментом будущего мертвеца. Завтра придется платить живыми.

Шарлотта вернулась к алтарю. Нужно было закончить подготовку к спуску в склепы. Свечи сами собой загорелись зеленоватым огнем, когда она провела над ними ладонью. Пора было готовиться к встрече с кредиторами. Те, кто живет внизу, не любят ждать, особенно когда их вексель подписан кровью спасенного ребенка и скреплен отчаянием сломленного отца.

Глава 4. Желание аристократки

Тишина, наступившая после ухода Ульфрика, была тяжелой и вязкой. Она оседала на стенах дома Шарлотты подобно мокрой паутине. Синий огонь в очаге больше не танцевал — он вытянулся в ровный, неподвижный столб холодного света, похожий на застывшее северное сияние. Воздух пах озоном, сгоревшей плотью и старым пергаментом.

Шарлотта стояла посреди комнаты, глядя на осколки разбитого стола. Ее руки были по локоть перепачканы черной кровью, которая уже начала густеть, превращаясь в липкую смолу. Тьма внутри нее сыто урчала, переваривая эманации боли старого воина. Это было отвратительное чувство — сродни тяжести в желудке после переедания жирной пищей. Магия такого уровня требовала колоссальных затрат, но давала взамен опьяняющее ощущение вседозволенности. Каждое слово, произнесенное ею сегодня, меняло чужую судьбу так же легко, как ветер переворачивает сухие листья.

Она подошла к умывальнику, плеснула в лицо ледяной воды из ковша. Вода обожгла кожу, приводя в чувство. Нужно было закончить приготовления к ночи. Склепы под собором Святого Игнатия ждали ее, а те, кто назначил там встречу, отличались нетерпением.

Внезапно пламя в очаге резко дернулось в сторону, хотя сквозняка не было. Свеча на алтаре зашипела, роняя черные капли жира. Пространство у двери пошло рябью, словно поверхность пруда, в который бросили камень.

Шарлотта замерла. Это не был стук в дверь. Гость приходил иным путем. Путем теней.

Рябь сгущалась, уплотнялась, обретая форму. Через мгновение перед ней стояла женщина. Высокая, облаченная в платье цвета запекшейся крови — тяжелый бархат, расшитый черным жемчугом. Капюшон дорожного плаща был низко надвинут на лицо, скрывая волосы, но осанка выдавала породу: прямая спина, чуть приподнятый подбородок, привычка повелевать, вьезшаяся в самую структуру костей.

— Ты могла бы оставить для таких случаев обычную щель под дверью, Элеонора, — ровно сказала Шарлотта, даже не повернув головы. Она продолжала вытирать руки куском холстины. — Или твой муж настолько контролирует каждый твой шаг, что тебе приходится просачиваться сквозь замочные скважины?

Женщина вздрогнула, словно от удара хлыстом. Она откинула капюшон. Леди Элеонора фон Хаген была поразительно красива той холодной, мраморной красотой, которую художники ищут для изображения скорбящих мадонн. Бледная кожа, высокие скулы, губы идеальной формы, сжатые в тонкую линию. Но глаза... В них плескался ужас загнанного зверя, смешанный с лихорадочным блеском одержимости.

— Не произноси моего имени, — прошипела она, делая шаг вперед. Каблук ее изящной туфельки хрустнул по щепке от стола. — Если Барон узнает, что я здесь... — Он узнает только то, что ты умерла от болотной лихорадки, если продолжит держать стражу вокруг моего леса, — перебила Шарлотта. Она наконец закончила вытирать руки и швырнула грязную тряпку в угол. — Садись. От тебя разит отчаянием сильнее, чем от пекаря Йохана. По крайней мере, его горе было честным. Твое — прогнило изнутри.

Элеонора поморщилась, но села в единственное кресло у огня. Дерево жалобно скрипнуло под ее весом. Она нервно сплела пальцы, унизанные массивными кольцами. Камни в них казались мертвыми в синем свете очага.

— Я пришла не за утешением, ведьма, — начала леди, стараясь вернуть себе высокомерный тон, но голос предательски дрожал. — Я пришла за властью. Настоящей властью. — У тебя есть власть, — пожала плечами Шарлотта. — Ты жена самого богатого и жестокого феодала в трех графствах. Твоего слова достаточно, чтобы отправить человека на дыбу. — Этого мало! — воскликнула Элеонора, подавшись вперед. Пламя очага отразилось в ее расширенных

зрачках. — Мой муж — старый волк. Его интересуют только границы своих земель, налоги и новые мечи для гарнизона. Спальню он делит со мной раз в полгода, когда ему нужно напомнить, кто хозяин в этом доме. А король... Король правит страной из столицы. Он молод, полон жизни, он пишет стихи и устраивает турниры. Он никогда не смотрел в мою сторону. Для него я лишь часть приданого земли, которое прибрал к рукам его верный пес — мой супруг.

Шарлотта слушала молча, скрестив руки на груди. История была старой, как мир. Замужняя королева или баронесса, влюбившаяся в менестреля, короля или собственную фантазию о свободе. Обычно такие женщины просили приворотное зелье. Дешевая, грязная магия, ломающая волю другого человека.

— Ты хочешь, чтобы король полюбил тебя, — констатировала Шарлотта. — И чтобы эта любовь дала тебе влияние при дворе. Ты хочешь стать серым кардиналом в шелках. — Я хочу быть единственной! — почти выкрикнула Элеонора. Слезы ярости блеснули в ее глазах, но она тут же смахнула их тыльной стороной ладони. — Муж слишком силен, его нельзя убить открыто — начнется война кланов. Но если король отвернется от него, лишит милости... Фон Хаген станет никем. А я буду рядом с монархом. Я стану шептать ему на ухо. Я изменю законы этой страны.

Ее речь перестала быть сбивчивой. Теперь это был четкий план, продуманный до мелочей бессонными ночами. Шарлотта видела этот тип безумия часто. Люди власти редко просят любви ради тепла; они всегда просят любви как инструмента.

— Приворот возможен, — медленно проговорила ведьма. — Есть травы, есть ритуалы. Можно заставить сердце биться чаще при виде определенного лица. Можно вызвать химическую бурю в мозгу, которую люди называют страстью. — Так сделай это! — Элеонора вскочила, протягивая руку. На безымянном пальце сверкнул огромный бриллиант. — Назови цену. Золото? Земли? Скажи сколько. Я выпотрошу казну мужа, но получу желаемое.

Шарлотта посмотрела на протянутую руку, затем подняла взгляд на лицо аристократки. Лицо матери. Рядом с кроватью Элеоноры наверняка стоят колыбели. Шарлотта знала, что у барона двое детей — болезненный мальчик-наследник и девочка, любящая рисовать углем на полу библиотеки.

— Цена не измеряется золотом, — тихо сказала Шарлотта. — Магия такой силы требует симметрии. Чтобы привязать душу одного человека к другому навсегда, нужно освободить место в сосуде принимающего. Твое сердце сейчас занято. Там живут твои дети.

Элеонора моргнула, не понимая. — Причем здесь мои дети? Они моя радость. Моя опора. — Нет, — отрезала Шарлотта. — Они твоя слабость. Пока ты боишься за них, пока материнский инстинкт заставляет тебя просыпаться по ночам проверить дыхание сына, ты уязвима. Барон держит тебя на поводке именно через них. Если король полюбит мать, готовую бросить детей ради страсти, он быстро разочаруется. Короли любят драматичных муз, а не куриц-наседок. К тому же, приворот искажает личность. Та страсть, которую я дам тебе, сожжет всё остальное. Огонь не выбирает, что жечь — дрова или мебель.

Лицо Элеоноры исказилось. Она сделала шаг назад, прижимая руку к груди. — Что... что ты имеешь в виду? — Я имею в виду, что мы должны сделать слепок твоей памяти, — будничным тоном пояснила Шарлотта, словно обсуждала рецепт хлеба. — Мы заберем воспоминания о том, как ты впервые взяла сына на руки. О том, как дочь назвала тебя мамой. О запахе их макушек. О страхе за их будущее. Всё это золото души мы извлечем и запечатаем вот в эту банку. — Она кивнула на пустой флакон темного стекла на столе. — Взамен я волю в твою кровь эссенцию «Черной Розы». Ты будешь идти к королю, и земля будет плавиться под твоими ногами от желания. Он не сможет отказать тебе ни в чем. Но та женщина, которой ты являешься сейчас — любящая мать, верная жена (пусть и ненавидящая), хранительница рода — перестанет существовать. Останется лишь хищница с одной целью.

Элеонора опустилась обратно в кресло. Ее начало мелко трясти. Она смотрела на свои колени, потом на флаконы с травами, потом снова на Шарлотту. — Забыть детей... — прошептала она. — Как можно забыть свою кровь? — Легко, — ответила Шарлотта. Боль собственного детства вспыхнула в памяти холодным огнем, но она задавила её усилием воли. — Первые сутки будет пустота. Словно у тебя вырвали зуб, и язык постоянно ищет дырку. Затем разум сам заполнит пробелы ложными воспоминаниями. Ты решишь, что всегда мечтала о балах и интригах, а дети были досадной случайностью, навязанной мужем. Тебе будет плевать на их судьбы. Если завтра придет известие, что наследник сломал шею, упав с лошади, ты лишь пожмешь плечами и попросишь лакея принести вина покрепче, чтобы отметить избавление от конкурента.

Это была правда. Жестокая, голая, лишенная прикрас. Шарлотта сама удивлялась своему цинизму, но годы практики научили ее одному: людей проще толкнуть в пропасть, если показать им на дне трон.

— А если я захочу вернуть память? — голос Элеоноры стал тонким, почти детским. Маска железной леди рассыпалась на куски. — Обратного пути нет, — Шарлотта наклонилась, заглядывая ей прямо в глаза. — Контракт подписывается душой. Стертое однажды стерто навеки. Выбирай, леди фон Хаген. Быть матерью слабого рода или быть любовницей короля великой державы. Материнство делает нас мягкими. Власть требует камня вместо сердца.

Наступила пауза. Долгая, звенящая. За окном завыл ветер, царапая когтями ставни. Элеонора сидела совершенно неподвижно, только жилка на ее шее пульсировала с бешеной скоростью. Шарлотта видела внутреннюю борьбу, развернувшуюся в душе аристократки. Любовь к детям боролась с годами унижений, побоев и равнодушия мужа. Амбиции побеждали. Они всегда побеждают, когда человеку предлагают выбор между тяжелым долгом и блестящей игрушкой.

— Сделай это, — выдохнула Элеонора. Решение далось ей тяжело, плечи поникли, словно с них сняли невидимый, но невероятно тяжелый груз. — Забери всё. Оставь мне только цель. Я устала быть мебелью в собственном доме. Пусть лучше я стану чудовищем на троне, чем святой мученицей в золотой клетке.

Шарлотта медленно кивнула. Никакого триумфа она не почувствовала. Лишь глухое, сосущее омерзение к самой себе и к этому миру, где матери торгуют памятью о сыновьях ради возможности примерить королевскую корону.

— Раздевайся, — приказала ведьма. — До рубашки. Украшения сними. Металл мешает течению токов.

Элеонора подчинилась механически, как марионетка. Сложила кольца и ожерелье на край стола дрожащими пальцами. Расстегнула крючки тяжелого платья, позволяя бархату лужей лечь на пол. Под ним оказалась тонкая льняная сорочка, промокшая от пота страха. Она осталась стоять посреди комнаты — высокая, стройная, бледная, как статуя из паросского мрамора.

Шарлотта достала из сундука широкую медную чашу с затейливым орнаментом по краю. Поставила ее на пол между собой и женщиной. Налила туда воду из глиняного кувшина. Поверхность воды мгновенно стала зеркальной, отражая синий свет очага.

— Опusti правую руку ладонью вниз, — велела Шарлотта. — Левую положи на живот.

Когда Элеонора выполнила приказ, ведьма коснулась указательным пальцем ее лба, прямо между бровей. — Закрой глаза. Вспомни самое счастливое утро. То, где солнце падает в окно детской, и сын тянет к тебе ручки.

Элеонора судорожно вздохнула, но веки сомкнула. По щеке скатилась одинокая слеза, прочертив влажную дорожку на белой коже.

Шарлотта начала петь. На этот раз мелодия была тихой, гипнотической, напоминающей колыбельную, которую поют в обратную сторону. Она водила пальцем по воздуху, повторяя

контуры головы Элеоноры. Из-под ногтя Шарлотты потянулась тонкая серебристая нить — визуальное воплощение памяти.

Нить выходила из виска леди, спускалась к медной чаше и растворялась в воде. С каждым мгновением вода в чаше становилась гуще, приобретая цвет крепкого чая. Воспоминания текли потоком: первый крик младенца, первая улыбка, первые шаги, тепло маленького тела под боком. Шарлотта методично вычерпывала эмоциональную связь, оставляя лишь сухую фактологию. «Был ребенок. Родился тогда-то. Имя такое-то». Без любви факты мертвы.

Элеонора начала раскачиваться. Ее дыхание стало поверхностным, частым. Кончики пальцев посинели. Процесс извлечения памяти болезненнее любой попытки раскаленным железом, потому что боль душевная выжигает каналы восприятия целиком.

— Тише, — прошептала Шарлотта, продолжая плести заклинание. — Скоро станет легко. Обещаю. Ни одна мать больше не будет плакать по тебе.

Когда последняя нить оборвалась и втянулась в воду, Элеонора открыла глаза. Шарлотта увидела в них абсолютную, звенящую пустоту. Женщина смотрела на стоящую рядом девочку лет пяти (ведьма использовала фантом своего детского облика для калибровки) и не узнавала ее. В этих голубых глазах не было ни родственной связи, ни узнавания. Только легкое раздражение от того, что посторонний человек стоит так близко.

— Кто ты? — спросила Элеонора своим обычным властным голосом, в котором теперь звучал металл. — Никто, — ответила Шарлотта. — Прошлое ушло. Теперь смотри сюда.

Она зачерпнула из чаши немного густой, маслянистой жидкости — концентрата украденной любви — и отбросила чашу в сторону. Содержимое пролилось на пол шипящей лужи. Затем она взяла флакон с темно-красной жидкостью. Эссенция Черной Розы. Алхимический яд, вызывающий привыкание быстрее, чем опиум.

— Открой рот.

Элеонора послушно разомкнула губы. Шарлотта влила внутрь пять капель густой субстанции. Аристократка сглотнула.

Сначала ничего не происходило. Затем по телу леди прошла волна мелкой дрожи. Она схватилась за горло. Сорочка натянулась на внезапно набухшей груди. Губы пересохли и покраснели, приобретя оттенок раздавленной вишни. Дыхание участилось, стало жарким, прерывистым.

Элеонора пошатнулась. Она оперлась рукой о стену, но штукатурка показалась ей обжигающе горячей. Она посмотрела на свои пальцы, потом на свое тело, словно видела его впервые. На ее лице проступило выражение пьянящего, животного восторга.

— Я чувствую... — прохрипела она. — Я чувствую жизнь. Каждая капля крови кипит. Мне тесно в собственной коже.

— Это голод, — объяснила Шарлотта, наблюдая за трансформацией с профессиональным равнодушием хирурга. — Теперь направь его. Подумай о короле. Представь его лицо. Его руки. Его голос.

Глаза Элеоноры закатились. Она запрокинула голову, выгнувшись дугой. Мышцы шеи напряглись, как канаты. Руны, оставшиеся в ней от визита Ульфрика, никак не касались Элеоноры, но сама атмосфера дома, пропитанная древней магией, работала как катализатор.

Любовь, настоящая любовь — это созидание. Приворот Шарлотты был чистой эгоистичной жадой обладания. Сейчас мозг Элеоноры перестраивал нейронные связи, уничтожая эмпатию и сострадание, заменяя их острейшим желанием доминировать и обладать объектом страсти. Она хотела короля не как женщину мужчину, а как вампир хочет кровь.

Приступ прошел так же внезапно, как начался. Элеонора открыла глаза. Поморгала, фокусируя взгляд на Шарлотте. На ее губах играла ленивая, порочная усмешка. — Где мое платье? — спросила она, проводя языком по верхним зубам. Голос стал глубже, приобрел бархатную хрипотцу, полную неприкрытого соблазна. — Этот дом смердит бедностью. Поехали.

Я должна быть в столице к полнолунию. Король любит охотиться при полной луне, говорят, это обостряет чувства.

Шарлотта молча кивнула на ворох одежды на полу. Ей хотелось ударить эту женщину. Хотелось схватить ее за плечи и трясти, крича в лицо: *«Ты только что убила собственных детей! Их больше нет для тебя!»*. Но контракт был подписан свободным выбором. Добровольное согласие аннулирует любую жалость исполнителя.

Пока Элеонора одевалась — движения ее стали плавными, кошачьими, полными новой, опасной грации — Шарлотта собрала инструменты. Медную чашу она вынесла во двор и выплеснула содержимое под корни старой яблони. Земля зашипела и почернела. Ничего не вырастет на этом месте еще сто лет.

Когда леди фон Хаген была готова, она выглядела безупречно. Ни следа слез, ни тени сомнения. Только сияющая, уверенная в своей неотразимости хищница. — Ты хорошо поработала, ведьма, — сказала она, поправляя кружевной воротник. — Когда я стану королевой, я пришлю за тобой гвардейцев. Ты станешь моей личной чародейкой. Будешь варить мне зелья молодости. — Я предпочитаю оставаться здесь, — сухо ответила Шарлотта. — Лес дает мне покой. — Как знаешь, — фыркнула Элеонора. — Но запомни: если ты хоть словом намекаешь мужу о нашем разговоре, я скажу королю, что ты отравительница. А король очень любит публичные казни четвертованием. Передавай привет старосте Гримму.

Она надвинула капюшон и шагнула к двери. Открыла ее, впуская порыв сырого ветра. — Кстати, — обернулась она на пороге, и в глазах ее мелькнул холодный расчетливый блеск, — мои дети. Сын действительно болен? Или это тоже была часть сделки с кем-то другим?

Шарлотта застыла. Холод пробежал по позвоночнику, не имеющий отношения к сквозняку. — О чем ты говоришь? — процедила она. — О мальчике пекаря. Элиасе. Говорят, он вчера встал с постели совершенно здоровым, хотя цирюльники списали его со счетов. Странное совпадение, не находишь? Сначала я отдаю тебе свою способность любить детей, а на следующий день какой-то крестьянский отпрыск чудесным образом исцеляется. Такие вещи требуют баланса, ведьма. Равновесие, кажется, так ты это называешь?

Элеонора рассмеялась — звонко, музыкально, искренне наслаждаясь моментом. — Мир тесен, дорогая. Особенно внизу. Возможно, моим детям просто не повезло оказаться удобным обменным фондом для спасения какого-то свинопаса. Впрочем, мне все равно. Прощай.

Дверь закрылась. Звук задвигаемого засова прозвучал как удар гробовой крышки.

Шарлотта осталась стоять в тишине. Тьма внутри нее, обычно такая активная, жадная до чужой боли, вдруг съежилась, забившись куда-то в самый дальний угол сознания. Даже ей было неуютно от произошедшего.

Ведьма подошла к столу. Ноги плохо слушались. Она упала на скамью, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота — физическая, человеческая реакция, которой она не испытывала уже много лет.

Она согнулась пополам, и ее вырвало желчью прямо на земляной пол. Организм пытался исторгнуть скверну причастности к такому заказу.

Дети. Она спасла Элиаса ценой части своей тьмы, передав долг Нижнему двору. Но оказалось, что цена была уплачена дважды. Первый взнос сделал Нижний двор, взяв обязательство Шарлотты. Второй взнос сделала Элеонора, отдав память о своих детях. Вселенная — великий бухгалтер, и она всегда сводит дебет с кредитом. Жизнь одного ребенка куплена забвением других.

Шарлотта вытерла рот рукавом. Во рту стоял вкус пепла и меди. Она посмотрела на свои руки. Они не дрожали, но казались чужими. Сколько еще сделок ей предстоит совершить? Сколько матерей придется превратить в монстров, сколько отцов продать вечному рабству, прежде чем она сама превратится в такую же пустую оболочку, как та, что только что вышла за порог?

«Доброта — это роскошь», — напомнила она себе старую мантру. Но сейчас фраза потеряла всякий смысл. Какая доброта? Здесь не было доброты. Был холодный расчет мясника, отрезающего лучшие куски филе, зная, что животное на бойне давно мертво.

Она встала, пошатываясь. Нужно было убрать рвоту. Нужно было залить огонь в очаге. Нужно было собрать сумку для похода в город. Визит Элеоноры выбил ее из колеи, напомнил о времени. Склепы под собором ждать не будут. Те, кому она задолжала силу для исцеления Элиаса, потребуют отчета.

Шарлотта взяла метлу и принялась мести пол, разгоняя остатки магии, следы присутствия леди фон Хаген и лужу испорченной памяти. Дом должен быть чист. Ведьма должна быть готова.

Но идя к сундуку за дорожной сумкой, она поймала свое отражение в лезвии ножа на стене. На нее смотрело лицо двадцатилетней девушки. Идеальная кожа. Ясные глаза. И нигде — абсолютно нигде — не было видно морщин усталости, которые она видела там утром.

Стресс, рвота, моральная деградация... они исчезали. Ее внешняя оболочка обновлялась, питаясь жизненной силой тех, кого она калечила внутренне. Красота Шарлотты была паразитом. Она цвела, высасывая человечность из своих клиентов. Чем более гнилыми были их души, тем моложе и прекраснее становилась ведьма с края леса.

Эта мысль напугала ее больше, чем визит посланников из преисподней.

Шарлотта завязала лямки сумки. Проверила кинжал. Надела капюшон. Дом остался позади, погруженный во мрак. Она ступила на тропу, ведущую к городу. Туман принял ее, укрыв своими влажными объятиями. Впереди ждал собор Святого Игнатия, склепы и встреча с существами, для которых страдания Элеоноры и смерть будущего отца семейства Ульфрика были лишь статистикой в бесконечной книге долгов.

А глубоко внутри, там, где раньше билось живое сердце, пульсировал черный комок заемной тьмы, ставший единственным источником ее существования.

Глава 5. Предсказание для купца

Ночь в городе пахла иначе, чем в лесу. Здесь к запаху сырости и прелой листвы примешивалась вонь нечистот из сточных канав, гарь дешевых факелов, кислый дух пота тысяч людей, спящих за тонкими стенами своих домов, и сладковатый аромат гниения от реки, протекавшей через южные ворота. Шарлотта шла по узким улочкам торгового квартала, прижимаясь к стенам. Ее серый плащ сливался с тенями, а капюшон скрывал лицо — красоту, которая здесь могла стоить ей кошелька или жизни.

Она миновала площадь перед ратушей, где даже ночью дежурили стражники с алебардами, свернула в переулок Мясликов и вышла к старой части города, примыкавшей к собору Святого Игнатия. Чем ближе она подходила к темной громаде храма, тем тяжелее становился воздух. Тьма внутри нее заворачивалась, просыпаясь. Она чувала свои истоки. Собор был построен на месте древнего языческого капища, алтари которого теперь служили фундаментом для христианских святынь, но сила никуда не делась — она просто сменила имя.

Вход в катакомбы находился не со стороны главного портала, а у северной стены, среди зарослей бузины. Шарлотта знала этот путь. Отодвинув тяжелый, замшелый камень, она спустилась по винтовой лестнице, вырубленной прямо в скале. Ступени были скользкими от мха и вековой влаги.

Спустившись на два пролета вниз, она оказалась в широком коридоре. Воздух здесь стоял неподвижно и был ледяным. Факелы на стенах горели зеленым пламенем без всякого участия человека. Это была граница миров. Место встречи должников.

Шарлотта остановилась у перекрестка трех тоннелей. Положив ладонь на влажную стену, она закрыла глаза. Контракт Ульфрика пульсировал болью в плече. Память Элеоноры зияла холодной дырой в ее собственном эмоциональном спектре — ведьма чувствовала пустоту там, где должна была быть материнская привязанность, словно вырвали здоровый зуб. Эти дыры делали ее уязвимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.